

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 4

1981

Олекса ЮЩЕНКО

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

Олекса ЮЩЕНКО

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

СТИХИ

Перевод с украинского

Москва. Издательство «Правда»
1981

Олекса ЮЩЕНКО

Олекса Яковлевич Ющенко родился в 1917 году в селе Хоружевка Недригайловского района Сумской области. В 1939 году окончил Нежинский учительский институт им. Н. В. Гоголя. Работал заведующим отделом литературы и искусства черниговской газеты «Молодой коммунар».

Во время Великой Отечественной войны — редактор радиостанции им. Т. Г. Шевченко, вел отделы партизанского вещания и вещания для трудящихся Средней Азии, Урала, Поволжья. После войны — работа на радио, потом в газете «Зірка» («Звезда»).

Первый сборник стихов Олексы Ющенко «К родной земле» вышел в 1945 году. Автор более двадцати сборников лирики на родном языке. В Москве изданы: «Криница», «Зеленеют дали», «Соловьи рассветные», «Радуюсь каждому дню». Олекса Ющенко автор многих песен.

Кроме поэзии, проявил интерес к исследовательской работе («Песня и труд» — книга о развитии украинской советской песни). Широкую популярность получили две его книги очерков, этюдов «Бессмертники» о выдающихся современниках, деятелях украинской, русской, белорусской литературы и искусства.

Указом Президиума Верховного Совета БССР ему присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Белоруссии.

Олекса Ющенко — член КПСС.

ВЕСЕННЕЕ ИМЯ

В лазури стаи птичьи пели,
Казалось: пела тишина
О том, что он рожден в апреле
И что весна с ним рождена.

И реки вырвались из плена,
Деревьев мощь рванулась ввысь,
И навсегда Весна и Ленин
В народной памяти слились.

Цветы свои раскрыли вежды,
Разлились нивы вдоль пути...
Он родился в апреле нежном,
Чтобы в суровый бой идти.

Не потому ли день так светел,
Так звонко наше торжество,
Что осенен Октябрьский ветер
Весенним именем его!

ВЕЧЕР НА ВЛАДИМИРСКОЙ ГОРКЕ

Тает, заднепровья затуманя,
Угасает вечер на Днепре.
В тихие минуты угасанья
Солнце тронуло своим сияньем
Княжий крест на киевской горе.

Все, что было краской, стало тенью,
Смотрят люди с высоты крутой
В зачарованные отдаленья,

И у каждого свои виденья,
Каждый увлечен своей мечтой.

Первая звезда, за ней вторая,
Третья загорелись в небесах...
Мальчик шел, не думая, не зная,
Что поэзии строка живая
На его шевелится устах.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Оно томится и скорбит:
Мне вспоминается невольно —
У сына пальчик заболит,
А сердцу матери так больно.

Великая в нем доброта,
Надежды в нем святая сила.
С тех давних пор прошли года,
Но память все восстановила.

Не забываем матерей,
Всегда мы помним детство наше.
Бывало им еще трудней
У нашей юности на страже.

ГОСТИ КИЕВА

*Семену Гейченко —
директору
Пушкинского заповедника*

Подарок ваш — миниатюра:
Сосна под снегом... Санный путь...
Но не сурово и не хмуро
Зима в мою проникла грудь,—
Из-под льда сверкнула Сороть,
Как в тучах ясная лазурь,
И Лукоморье перед взором
Возникло в шуме снежных бурь.

Вон там, где берег виснет круто,
Лыжней открыть бы первопуток!..

И сердцем я услышал скрип
Михайловских столетних лип...
Сверкнули краски зорьки ранней,
Как птицы сказочной крыло...
Поэзии очарование
В миниатюре ожило.

Хранитель пушкинских сокровищ,
Вы в Киев их несли с собой,
Днепр и по духу и по крови
В родстве с Великою-рекой.

Простор прозрачнее кристалла
Открыт с днепровских берегов,
Где Пушкину звезда сияла,
Что ласточкою прилетала
Из дальних северных краев...

МИХАЙЛОВСКОЕ

И. Андроникову

Давно из звучных строк узнав
Красу родной земли поэта,
Сейчас люблюсь краем этим,
Вдыхаю запах буйных трав.

И ветвь, налившуюся соком,
И росный луг из края в край,
И небо в блеске синеоком,
Душа, на память принимай!

Бери бесценные подарки,
Как удивленное дитя.
Вовек не сгаснет полдень яркий,
Мои дороги расцветя.

Вовек не сгинет пред глазами
Простое чудо давних лет:
Тропа, изрытая дождями,
Которую воспел поэт.

Его шаги во мгле аллеи,
Среди ветвей плаща разлет,
Как будто с Музою своею
Он к нам, взволнованный, идет.

Вот он — живой. Все замечает
Его пытливый, острый взор,
В его глазах река играет
И голубая гладь озер.

В его глазах — и лес, и поле,
И вдохновения звезда...

Я благодарен светлой доле,
Что привела меня сюда.

Всё — радость сердца и невзгоду
Словами выразил певец.
В большом признании народа —
Его поэзии венец.

* * *

В комнату ворвется шум трамвая,
Только окна отвори скорей.
В мире звуков встанут, оживая,
Те, что скрылись в памяти моей.

Пенистой волной днепровской снова
Все углы заполнит, все зальет
Смех веселый, искреннее слово —
Все, что век живет,— не отживет.

Пусть войдет простор! В его движенье
Вслушаюсь, дыханье затаив.
Если б вдруг пришли без приглашенья
Юные товарищи мои...

Не закрою окон до рассвета.
Брызнут росы... Не могу уснуть,—
Так сверкает и донные где-то
Кровью сверстников омытый путь.

* * *

Еще на пышных клумбах парка
Сквозь сумрак канны светят ярко,
И ты отыщешь без старанья
В них самоцветов полыханье...

Но не найдешь среди огней
Пыланье юности моей...

«КАЛИ ЛАСКА»

«Кали ласка, кали ласка»...
Не забыть мне это слово.
Я его услышал в Минске
И мечтал услышать снова.

А под Новый год от друга
Телеграмма: — Не теряйте
Дней напрасно, кали ласка,
Приезжайте, прилетайте!..

Пред тобою, мой читатель,
Я душой кривить не смею:
То от милой телеграмма,—
Я назвал ее своею!

Если ж в нашем разговоре
«Кали ласка» часто будет —
Не беда! За это слово
Вы меня простите, люди:

Слышал я в краю Купалы
Это слово, будто песню,
И хочу, чтоб нынче стало
Людям всем оно известно;

Чтоб народ народу молвил
Просто, ясно, без прикраски.
Через воды, океаны,
Чтоб звучало: — В гости просим!
Приезжайте, КАЛИ ЛАСКА!

СРОДНИЛИСЬ ЗЕМЛИ

В марте 1972 года в Ашхабаде был открыт памятник Тарасу Шевченко. Делегация Украины привезла из Канева землю и высыпала ее в туркменскую землю.

В борьбе мы дружбу обрели,
И глуби чувств неизмеримы...
На полотенце — горсть земли,
Что взяли с Каневской горы мы,
С горы, взнесенной Кобзарем,
Народным ставшей алтарем.

Рушник был яркий, расписной,
Им землю мы опеленали,
Потом ее пересыпали
Под стук сердец с другой землей...

Миг величавый.

Обнялись
Земля с землею... И в молчанье
Времен, казалось, крепла связь,
И кобзы слышалось звучанье.

Величие!..

Забуть нельзя
Священной сказочной минуты,
Когда в цветах пришла земля
От берегов Днепра-Славуты,
С горы Тараса, что видна
Всем людям, всем народам света.
В века протянута струна
Певца,
Мыслителя,
Поэта.

МАТЕРИНКА

За лесом, в раздолье степном,
Курганами встали могилы.
Чей сон им хранить суждено?
И чьи доглевают в них силы?

Казацкая тоже есть там,
Отпеты не первой весной.
Она не подвластна годам,
Та сила, что стала землею.

Смотрю: цвет печальный, седой
Разлит у могил на просторе.
Седой материнкой-травой
Растет материнское горе...

Бессмертна печаль матерей,
И годам ее не осилить.
Она, словно плач журавлей,
В бескрайней, заоблачной сини.

Мы помним суровые дни...
Солдаты в дыму и в тумане.
Уснули навеки они,
Один часовой на кургане.

Известны нам их имена,
Пред ними потомкам склоняться.
Мы знаем, во все времена
О них будут песни слагаться.

А здесь материнкой седой
Могила-курганы одеты...
Святой материнской слезой
Земля вся пропитана эта...

* * *

Я бродил до самой поздней ночи
Над Днепром
 в голубоватой мгле.
Чей-то голос тихо мне пророчил:
— Станешь ты пылинкой на земле.

Да, конечно,
 это неизбежно.
Ведь иного продолженья нет.
Я тебя по-детски, безмятежно,
С горечью покину, белый свет.

А пока, до рокового срока,
Буду слушать, как поет вода,
Как звенит на берегу осока
И поют над полем провода.

Сердце моего кардиограмму
Журавлей вычерчивает строй.
Эти степи,
рощи и курганы
И во сне и наяву со мной.

Ведь без них я умер бы от жажды...
Их у сердца я ношу, любя.
Кто, земля, забыл тебя однажды,
Тот на забытье обрек себя.

О, земля!
К тебе мне возвратиться
Суждено. Но не пропасть во мгле.
Ведь я знаю, вечно будет биться
Сердце —
гимн родной земле.

БЕРЕСТ НА АСКОЛЬДОВОЙ МОГИЛЕ

Максиму Рыльскому

Здесь, словно в девственной дуброве,
Случайно встретились мы.
Он,
Железные порвав оковы,
Стоял,
свободой опьянен.

Наверно, здесь была могила,
Но сквозь сплетение оград
Прошла неуправляемая сила,
Что, чем металл, сильнее в сто крат.

Шумит листвою посланец леса.
А со ствола
со всех сторон
Торчит измятое железо,
Само попавшее в полон.

Решетка старенькой ограды,
Нет,
 не завиден твой удел...
Могилу сына
 или брата
Кто защитит тобой хотел?

Живая сила воскресила
Металл
 и с ним срослась навек,
Мечту и песню воскресила
И берестом рванулась вверх.

Я, берест, восхищен тобою,
Звени бессмертною листвою!
Делись надеждой
 и мечтою...
Тебе от нас поклон земной.

Не одного меня, я знаю,
Вот так,
 при встрече ты потряс.
Трудна твоя судьба земная...
Но ты прекрасен
 без прикрас.

Поем мы вечной жизни славу
И поклоняемся тебе.
Ведь ты на жизнь
 святое право
Добыл в упорнейшей борьбе.

ЗЕМЛЯ, ТЫ ВСЯ ВО МНЕ

Деревья да кусты — пусть нелегко пройди,
Меня та чаща не остановила.
Меня встречали щедрые дожди,
Гроза земле и мне вливала силы.
Впервые здесь я шел, искал пути свои,
И вновь теперь пройду, напившись из криницы.
Иду за вашей песней, соловьи,
За вами — сердцем мне не заблудиться.

Земные силы — вот они, во мне,
Дарованы грозою, тишиною.
Земля, ты вся во мне, ты в каждом дне,
И я всегда с тобой, как ты со мною.

Осень такая милая...

П. Т ы ч и н а.

Пусть ветерок на берег мгlistый
Днепра задумчиво прилег.
Сверкает позолота в листьях,
Сверкает золото у ног...

И ты идешь среди цветов,
Горячая осенним счастьем.
С благоухающею астрой
Тебя я сравнивать готов.

Стоит сплошная тишина,
Аж онемела листьев стая...
Как ты, таинственно грустна,
Сегодня осень золотая.

Волны плескались на камне,
След там оставили свой...
Нежная — вижу — рука мне
Грозный подносит прибой —
Волны застыли на камне.
Я тот рисунок беру:
Крыльев я вижу мельканье —
Шумом по черному камню,
Бурею в черном бору.

Волна отразилась на камне...
Снится и ныне рука мне.
В памяти вечно со мной
Камень...
Волна...
Прибой...

Туча сизым крылом закрывает
Над землей голубой небосвод.
Только радость во мне такая,
Словно радуга в сердце встает.

Поднимается,
Улыбается,
Будто тучи в помине нет!
Сердце песнею отзывается,
Излучает солнечный свет.
Туч не вечна
 тяжелая ноша —
В жизни
 солнца и радости
 больше!

ЗЕЛЕНЫЙ ЕЖИК

Зеленый ежик — кактуса обломок
Лежит на тротуаре день-другой,
Средь кутерьмы и уличного грома
Не нужный никому, полуживой.

Во мне он жалость пробудил невольно:
Ужель ему жить больше не дано?
Здесь, на асфальте, как в пустыне знойной,
Ни капли влаги не было давно...

И завернул в платок я это диво,
Был ежик слаб, но от природы зол:
Хоть я и спас от бед его счастливо,
Он по пути мне пальцы исколол.

Комок колючий в ящичке цветочном
Я посадил. Ему напиться дал.
С иголками, нацеленными точно
Во все концы, он крепок, хоть и мал!

Прошел лишь год, и не узнать отростка:
Он встал над грунтом гордой головой,
И у меня свершилось чудо просто
В день именинный.

Колкий ежик мой

Послал на стебле трепетном ракету:
Нежнейший, яркий, радостный цветок,
И в доме стало сразу больше света,
И стал мощнее сил моих исток.

На стебле нет колючки ни единой,
Цветок вознес он гордо в высоту,
С ним вместе рвусь я к высоте орлиной,
С ним расцветаю вместе и расту...

Взорвался стебель нежностью горячей,
И на него смотрю с волнением я...
Любовью и негаданной удачей
Вознаградил он за труды меня!

Зеленый ежик, счастьем ты означен,
Мой друг колючий, радость ты моя...

ПОД ОДНИМ КРОВОМ

I

*В мае 1820 года А. С. Пушкин останавливался
в Чернигове в гостинице «Цареград», направляясь
из Петербурга на юг.*

*Т. Г. Шевченко останавливался в той же
гостинице весной 1846 года.*

Гора стоит высоко над Десною,
Гостиница зовется «Цареград»...
Поэты в годы разные, весной,
Здесь проживали. И для них цвел сад.

Был общий кров у них над головою...
Переливался в окнах звездопад.
И, далеко все видя пред собою,
Легенда в полночь свой бросала взгляд.

Черниговщины гордая природа
Была тогда отрадой для двоих —
Цветенье луга, звезды небосвода —
Все озаряло, все пленяло их,

Им ветер пел в безмолвии дубров.

...Один над ними простирался кров...

II

В 1859 году в Лейпциге в одной книге были напечатаны стихи А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко. Пушкинские «Цензору», «Молитва», «В. Л. Пушкину» и шевченковские «Завещание», «Кавказ», «Разрытая могила», запрещенные царской цензурой, были рядом.

На человеческой дороге
Судьба сводила их не раз,
В одном порыве и тревоге
Была «Молитва» и «Кавказ».

И в общей книге, будто в доме,
Жил под обложкою одной
Шевченка зов в огне и громе
И Пушкина призыв живой.

Одни сияли им святыни,
Их путь был честен и суров...
И глубь небес бездонно-синих
Для них теперь — всесветный кров.

И звезды их нетленных дел
Читать нам Гений повелел.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВОРЧЕСТВО

*Пишу эти строки весною... И вновь
манит меня даль, вновь вспоминаются
слова старой чумацкой песни:*

*А вже тому чумакові
мандрівочка пахне...*

М. Р ы л ь с к и й, 1958

Вот снова март дорогою маячит,
Отъезда поторапливает срок...
От радости береза тихо плачет,
И гонит клен свой сладковатый сок.

И точно в юность путь веселый начат,
И в сердце крови пенится поток,

И все вокруг сияет... Это значит,
Что даль светла и небосвод высок,

Что я в пути, что дни певучи, яркие,
Как пристани — Романовки, Вапнярки,
Все грады, веси — весь родимый край...

В прибое слов, в лесов могучем хоре,
В разливе песен, что шумят, как море,
Иди и с мартом силы набирай!

В ГОЛОСЕЕВСКОМ ПАРКЕ им. МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

Голос славки в парке славном
Зазвучал едва,
И проснулась лишь недавно
В чаще сон-трава.

Сонно, робко поглядела
На узор ветвей,—
Светлый день, встающий смело,
Приглянулся ей.

Закружились золотинки
В теплом свете дня,
Заиграл, как на пластинке,
Луч на кольцах пня.

Смотрим из весенней пуши
В этот светлый час
Мы — на гущу трав цветущих,
А цветы — на нас.

БАЛЛАДА О ДЕРЕВЕ

Ветвей сплетением густым
Столетний дуб встает,
И путник в знойный день под ним
Приют себе найдет.

А в час войны, сквозь ночи тьму,
Сквозь боль родной земли

Все непокорные к нему
Печаль свою несли.

К нему, как бы на сердца зов
Шли в тягостные дни,
Не говорили громких слов,
Да и к чему они?

Но неизменно взор яснил
У побывавших там,
Старик и юный не робел,
Наперекор годам.

И крепла вера у людей
В победы нашей свет,
И было на сердце теплей,
И тьмы, казалось, нет...

Что ж за чудесный дуб такой?
Кто свет вложил в него?
И кто невидимой рукой
Творил там волшебство?

Про чудо-древо до врагов
Однажды весть дошла,
И был любой из них готов
Его спалить дотла.

Они пришли с пилой, с огнем
И встали, обомлев:
Был Ленин вырезан на нем —
Искусный барельеф!

Фашист от злости онемел,
Застопорило речь,
Одно лишь выкрикнуть сумел:
— Спилить сейчас же! Сжечь!

Но из-за дерева того,
Как боевой набат,
Тотчас в ответ словам его
Ударил автомат...

Поныне высится в полях
Тот величавый дуб,

И шум в его густых ветвях
Людскому сердцу люб.

И чудится в его листве
Мне говор партизан.
Он в поднебесной синеве
Стоит, как ветеран.

И барельеф, что в грозный час
Был вырезан на нем,
Вновь кличет в будущее нас,
Напомнив о былом...

Зеленый трепетный шатер
Раскинулся вдали,
Крутые ветви дуб простер,
В нем — мощь родной земли.

И путник, глядя на него,
Промолвит горячо:
— Вот вольной жизни торжество!
Живи, расти еще!

Расти в бездонный небосклон,
Тебя мы сберегли!

...А солнцем правды озарен
Простор родной земли.

КАМНЕЛОМАМ ЖИТОМИРЩИНЫ

Сверкают грани лабрадора,
Что под стеной Кремля стоит...
Я вижу гору, из которой
Взят этот славный монолит.

Я вижу сверла и лебедки,
Я вижу сильных мастеров
Там, возле скал села Слободки ¹,
В высоком свете их трудов.

¹ Каменная глыба для строительства Мавзолея В. И. Ленина добыта в селе Слободка на Житомирщине.

Огни труда над миром взвиты.
Как в зеркале, видны в граните
Просторы площади родной,

Зубцы на стенах, башни, флаги,
Людей уменье и отвага,
И даль истории самой.

ОБЕЛИСК В СТЕПИ

Василю Быкову, белорусскому писателю

В Кировоградской стороне,
Лежавшей в громе и огне,
Боец измученный упал...
Земля и небо — дикий шквал...
Упал в клубящемся дыму.
...Лишь восемнадцать лет ему...

Ему все чудились леса
(А тут — степные небеса)
И беловежские ручьи...
А тут — палящие лучи
Степного полдня, тяжкий зной,
И бредит он водой... водой...

Раскалены земля и высь.
От жажды губы запеклись...
Слабеет голос... И нельзя
Уже сказать: «Друзья, друзья,
Вы бой ведете, я ж ползу
И вижу, кажется, лозу —
Там есть вода... Один глоток...»
Но снова — солнце и песок,
Сухой бурьян, глухой сорняк...
До свежих рощ добраться как?

Питомец белорусских нив
Еще не мертв, но и не жив,
Во взоре гаснут небеса,
Сознание, как в лугах роса,
Исчезнет скоро без следа, —
Не часто искрилась вода
В Кировоградской стороне,
Лежавшей в громе и огне...

Полдневный жар сильней, сильней,
И кажется: табун коней,
Промчавшись, напылил, кругом,
И к небу встала пыль столбом.

Но — что это? — неужто дождь
Пришел сюда от дальних рощ,
И сердце сразу ожило?
Нет, чуда не произошло,
А просто девочка нашла
Бойца далеко от села,
И жизни юной огонек
Не сник навечно, не поблек,
И сердце детское в степи
Ему промолвило: «Терпи!»

Была свежее родника
Безвестной девочки рука.
И жизнь в бойца вошла опять,
И стало радостно дышать,
Как будто он услышал зов
Родимых нив, родных лесов...

А обелиск? Над морем слез
Героя имя он вознес,
Он — скромный памятник герою
Над беспредельностью степною.
Спит не один под ним герой,
Но тот, кто огненной порой
Здесь погибал от страшной жажды,
Как бы воскрес, придя однажды
В ту степь, где била и тогда
Любви и дружества вода.

...Стоит боец, склонясь над списком,
Пред памятником-обелиском...

В МОЕМ ПРИДНЕПРОВСКОМ САДУ

Ты меня позабудешь?
Нет, все обо мне здесь напомнит —
Каждый листик и цветик
В моем приднепровском саду.

Ты меня не забудешь —
И я о тебе не забуду:
Хоть криницею стань,
Я тебя опознаю, найду.

Лепестком неприметным
Запрячешься в венчик ромашки
Иль в калиновой грозди
Засветишься алым огнем,—
Я узнаю тебя,
Даже сам превратившись в травинку,
Я тебя разбужу,
И салютом прокатится гром.

Ты меня позабудешь?
Не сможешь забыть нипочем!

* * *

Роса упала, и туман плывет..
Поникнув, дышит тихо небосвод.
И много дум в тебе, как рос живых,
Но отчего ж под осень ты притих?

Нет, не молчи, как небо. Говори!
Посмейся в час вечеровой зари.
Притихло небо? Тучи вдаль бегут?
А в сердце грозы вешние живут!

КОРНИ

Песок летит, все засыпая,
Свист ветра, дикий рев и гул..
А все ж не дрогнет саксаул,—
Откуда сила в нем такая?
Живучий, цепкий... На него
Неумолимый вихрь несется,
А саксаулу — ничего,
Колючий кустик не сдастся!
Здесь людям легче, чем ему,
Они на свет родного дома
Идут сквозь ветры, пыль и тьму,
И мощь единства им знакома.

И свято берегут они
Между собою дружбы зерна,
И вера в завтрашние дни
Неколебима, животворна.
Все это согревает нас,
Когда подует вихрь жестокий,
А как же кустик одинокий
Встречает испытанья час?
Свирепой бури долгий гул...
Не шелохнется саксаул.
Вот так и надо жизнь любить.
Бороться с бурей — значит жить!

НАД ШИРОКИМ ДНЕПРОМ

Елене Хобте

От села до села
Наша слава пошла
По равнинам радостным и полям...
Над широким Днепром,
Над лужком-бережком,
Молодое солнышко светит нам...

Сколько счастья в родной
Стороне дорогой,
Сколько цвету вешнего по садам...
Над широким Днепром,
Над лужком-бережком,
Молодое солнышко светит нам...

Слава вешней порой,
Слава летней страдой
Сердцу беспокойному и рукам...
Над широким Днепром,
Над лужком-бережком
Молодое солнышко светит нам...

Слово наше звенит,
Птицей вещей летит,
По равнинам радостным и полям...
Над широким Днепром,
Над лужком-бережком
Молодое солнышко светит нам...

ВЫСОТЫ ДРУЖБЫ

Тычина говорил о Лахути:
— Жду в гости вот... Мой друг уже в пути...
И то сказать, давно б ему пора —
Влюблен ведь, знаю, в берега Днепра.
Да и они ему — как отчий дом...
В такой уж век, в таком краю живем,
Что сам Памир и каневская высь
Так сблизились, так накрепко сплелись!

Тычина говорил о Лахути,
Как будто звал нас к тем снегам взойти,
До коих поднял жар людских сердец
Таджикистана гордого певец.

Наш гость, влюбляясь в Днепр еще сильней,
Из Канева писал жене своей:
«Не знаю, где мне красок взять таких,
Чтоб яворы живьем вошли в мой стих...
Не знаю, посчастливится ль перу
Прибавить славы вечному Днепру...»

Тычина говорил о Лахути:
— И нам вот краски надо бы найти,
Чтоб горным зорям яркостью под стать,
Чтоб думы, чувства друга передать!..

Мы слушали... Года прошли с тех пор.
Но сердце помнит — и от гор до гор
К высотам дружбы песню вновь несет —
К священным, к самым чистым из высот.

УКРАИНА — БЕЛАРУСЬ

Тишина опушки спящей...
В даль знакомую взглянусь —
Вот черниговская чаща,
За опушкой — Беларусь.

Утро впуталось лучами
В тьму задумчивых дубов,
Переплетшихся ветвями,—
Сколько весен, зим, годов.

Не узнаешь, чьи же ветви
Взметены до облаков,
Перевитые столетьем
У могучих стариков!

Пригляжусь еще сильнее:
Даже шапка их — одна.
Чем не диво? Зеленеет
Зеленейшего сукна!

Каждый дуб из нашей чащи —
Белорусскому сосед.
Всю опушку полной чашей
Заливает солнца свет.

Зашумело, заиграло,
В сотнях красок расцвело,
Лето сдвинулось с причала,
В лес по ягоды пошло.

На опушке чище, краше
Свежесть голосов живых:
«Про калину» — песня наша,
«Про калину» — песня их!

Словно сестры, без печали
Обнялись сегодня здесь
Песня вольная Купалы
И шевченковская песнь.

Я к любимой по соседству
С той же песней соберусь,
Что обеим вам по сердцу,
Украина, Беларусь!

БРАТСТВО

Народному поэту Узбекистана Уйгуну

Тревогою сердце схватило.
Нам радио весть принесло:
Бушует подземная сила,
Гудит семибалльное зло.

Как наших сердец перебой,—
Толчки громовые земли.
Уйгун, давний друг наш! С тобою
Мы боли твои понесли.

Как радости раньше делили,
Так делим и горе твое.
На бой с разрушительной силой
Народ богатырский встает.

Мы — братья, нас дымом и громом
Братали когда-то фронты.
В Ташкент, словно к дому родному,
Из Киева едут братья.

Разрушенный город Уйгуна
Днепровских строителей ждет.
Ни сдвиги земли, ни тайфуны
Не страшны отважным и юным,—
Строители — крепкий народ.

Руины — на улице Братской.
Но братство бессмертно у нас.
Встречаем беду по-солдатски,
Теснее в ряды становясь.

Что ж, в жизни людской, как на ниве,
Бывает и тишь и гроза...
Друзей, работающих, сметливых,
Увозят в Ташкент поезда.

И строится улица снова,
И песням пространство дано.
И в них украинское слово
С узбекским звучит заодно.

На Братской, на улице новой,
Работает Братство само.

НАД РУКОТВОРНОЮ РЕКОЙ

На самолете утром рано
Я вновь взлетел за облака —
В просветах туч Туркменистана
Переливается река.

В ней — мощь дерзання и отваги,
Она течет, пески круша,
Любую каплю этой влаги
Моя приветствует душа.

О капля животворной сини,
Ты — символ доблести людской,
Смирились древние пустыни
Пред рукотворною рекой!

О капля!.. Сад листвою вспенен,
Посевам жизнь дала река...
Не о тебе ли думал Ленин,
Росинка на челе цветка?!

То не воды струя простая
Под сенью робкого куста,—
Из малых капель вырастает
Могучих крыльев красота.

Труда стремительного сила,
Что нынче полнит водоем,
В декрете ленинском светилась
Живым, негаснущим огнем.

О влаге не молил аллаха
Ни хлебороб, ни садовод.
Мощь богатырского размаха
Видна в размахе этих вод.

Канал великий голубеет
Внизу, далеко под крылом...
Вождя народного идея
Цветком сияет и плодом.

И там, где солнце пьют соцветья,
Ильич с простертою рукой
Глядит в грядущие столетья
Над рукотворною рекой!

КОКТЕБЕЛЬ

I

Лишь небо между гор. А в голубом просторе
Такой искристый свет... Он тает на горах!
Прорезал небеса зубцами Карадаг,
И синева небес стекает тихо в море.

Дыхание степей со зноем горным в споре.
И вечный непокой — бессонных волн размах.
И морем голубым навек простор пропах.
Я сердцем пью его, — он в восхищенном взоре...

Всю эту синеву вобрать в себя стремлюсь я,
Хочу ее сберечь и передать другим...
Я небу поклонюсь и прихотливой Музе!

Прошу вас, с этим краем дорогим
Сроднитесь, будьте с ним в святом союзе
И не жалейте образов и рифм...

II

Трещат цикады, как сухой валежник,
И звук такой, как выстрел в тишине.
А море дышит ласково и нежно
И повествует быль негромко мне.

О чем она? Ах, да! О полонянках,
О древней Кафе, соли солоней
От слез невольниц, о татарских станах,
О звоне стрел и топоте коней.

А дальше? Говори, мне все понятно!

...И поднялась на море крутоверть.
Цикад не слышно. Только голос внятно
Вдруг прозвучал: — Всем людоловам — смерть!

Узнал я голос: это Сагайдачный!¹
И Кафа падает, рабы бредут домой...

¹ Сагайдачный — украинский гетман. Вел освободительные войны против турок и татар.

Ведь это он, тот самый «необачный»,
Который в песне до сих пор живой.

... Чумацкий Шлях¹ застыл на крымском небе.
Полынный дух доносит ветер... Пей!
Напиток горький пей! Он зол и крепок —
И ощутишь ты горечь давних дней.

Полынный запах пью. Смотрю на звезды
И будто слышу песню чумака:
(Ползет обоз... Клубятся пылью версты...)
«Не пьется пиво-мед»...

Идут века
Чумацким Шляхом — вечным, бесконечным,
И гонит море вдаль за валом вал...
Звезда упала вдруг горе на плечи,
Как соляной
мерцающий кристалл...

В ЧЕРНИГОВЕ НА ВАЛУ

Звезды в радужном сиянье
Тихо падают в Десну.
По путям воспоминаний
Я иду в свою весну...

Возвращенью сердце радо.
Очень давнею весной
Здесь, в Чернигове, когда-то,
Случай был один со мной.

Было это в воскресенье
Или, может, в будний день,
Шел я городом весенним
И по сторонам глядел.

От избытка чувств
негромко
Начинал я песни петь.
Вдруг увидел: незнакомка, —
Век бы на нее глядеть...

¹ Чумацкий Шлях — Млечный Путь.

Что тут делать молодому?
Как же с ней заговорить?
— Далеко ли вам до дому?
Разрешите проводить!..

Но она в ответ сказала:
— Белым днем? — В глазах укор.
...Сердце екнуло, упало,
Оборвался разговор...

Голосом от страха ломким
Попросил назначить час.
Улыбнулась незнакомка,
Ослепила блеском глаз.

Для меня уже немало, —
Как награда, этот взгляд...
Пушки старые вдоль Вала
Строго выстроились в ряд.

— Приходите к той, двадцатой,
Ровно в семь... И я приду...

Ой, как пахло рутой-мятой
На Валу тогда, в саду.

Я под вечер обнаружил,
Что поверил в шутку-ложь:
Ведь в Чернигове
 всех пушек
Двадцати не наберешь!

РАДУЮСЬ КАЖДОМУ ДНЮ

Пусть он — не светлый, туманный,
Радуюсь каждому дню.
Свет мой, мой луч несказанный —
В сердце надежду таю.

В мае поется мне вволю.
А равнодушным не дам,
Не разрешу, не позволю
Я прикасаться к цветам.

Краски очарованья
На площадях и в садах.
В пору весенних свиданий
Радость какая в глазах!

Мил мне сентябрь. Созревают
Мысли у нас и плоды.
Песня моя живая,
Людам в сердца войди.

Здравствуй, денек дождливый,
Солнечному — привет!
Пить, бы, все пить мне счастливой
Жизни и свет и цвет.

Облачный день и ясный
Всей воспеваю душой.
Солнышко —
 вот и прекрасно.
Облачко —
 вот хорошо!

Радостно грозы встречаю.
Нравится мне тишина.
Осень с весной сочетаю.
Обе — минута одна.

Каждому рад мгновенью,
Каждому рад растенью,
Тронутому росой.

Счастье в секунде любой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Весеннее имя. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	3
Вечер на Владимирской горке. <i>Перевод Н. Ушакова</i> .	3
Сердце матери. <i>Авторизованный перевод Н. Ушакова</i>	4
Гости Киева. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	4
Михайловское. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	5
«В комнату ворвется шум трамвая...». <i>Авторизованный перевод А. Бродского</i>	6
«Еще на пышных клумбах парка...». <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	7
«Кали ласка». <i>Перевод В. Бекетова</i>	7
Сроднились земли. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	8
Материнка. <i>Перевод Б. Лозового</i>	8
«Я бродил до самой поздней ночи...». <i>Перевод Б. Лозового</i>	9
Берест на Аскольдовой могиле. <i>Перевод Б. Лозового</i>	10
Земля, ты вся во мне. <i>Перевод Ю. Грунина</i>	11
«Пусть ветерок на берег мгlistый...». <i>Перевод В. Агапова</i>	12
«Волны плескались на камне...». <i>Перевод Б. Лозового</i>	12
«Туча сизым крылом закрывает...». <i>Перевод Б. Лозового</i>	13
Зеленый ежик. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	13
Под одним кровом. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	14
Путешествие в творчество. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	15
В Голосеевском парке им. Максима Рыльского. <i>Авторизованный перевод Л. Вышеславского</i>	16

Баллада о дереве. Авторизованный перевод Л. Вышеславского	16
Камнеломам Житомирщины. Авторизованный перевод Л. Вышеславского	18
Обелиск в степи. Авторизованный перевод Л. Вышеславского	19
В моем приднепровском саду. Перевод Б. Кежуна .	20
«Роса упала, и туман плывет...». Авторизованный перевод Л. Вышеславского	21
Корни. Авторизованный перевод Л. Вышеславского .	21
Над широким Днепром. Перевод Н. Ушакова	22
Высоты дружбы. Авторизованный перевод В. Корчагина	23
Украина — Беларусь. Перевод Н. Асеева	23
Братство. Авторизованный перевод Б. Палийчука .	24
Над рукотворною рекой. Авторизованный перевод Л. Вышеславского	25
Коктебель. Перевод Б. Лозового	27
В Чернигове на Валу. Перевод Б. Лозового	28
Радуюсь каждому дню. Авторизованный перевод Н. Ушакова	29

Олекса Яковлевич Ющенко

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 10.12.80. Подписано к печати 05.02.81. А 00329.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,47.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 290. Зак. № 3469. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
 ул. «Правды», 24.

ГОССТРАХ

Предметы домашнего обихода и хозяйства, личного потребления и удобства могут быть застрахованы их владельцами на любую сумму в пределах действительной стоимости имущества.

Страхование обеспечивает возмещение ущерба при повреждении или гибели имущества в результате пожара, аварий отопительной и водопроводной сетей, других непредвиденных случаев и стихийных бедствий, а также при его похищении. Выплата страхового возмещения производится в размере причиненного ущерба, но не выше суммы, указанной в договоре.

Договор страхования можно заключить на срок от одного года до пяти лет включительно или на более короткое время (от 2 до 11 месяцев). Плата за страхование невелика и вносится в момент заключения договора. Кроме того, страховой взнос можно уплатить и путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы. При оформлении страхования на 3 года и более с исчисленной суммой предоставляется скидка в размере 10 процентов.

Уважаемые товарищи!

Для оформления договоров страхования домашнего имущества обращайтесь, пожалуйста, к агенту, обслуживающему Вас по месту работы или жительства.

Госстрах РСФСР

